

К вопросу о языке и стиле поздней публицистики И.Д. Сургучёва (на материале цикла статей «Парижский дневник»)

Научный руководитель – Лепилкина Ольга Ивановна

Шевченко Татьяна Сергеевна

Аспирант

Северо-Кавказский федеральный университет, Факультет филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Кафедра истории и теории журналистики, Ставрополь, Россия

E-mail: larrna@rambler.ru

«Парижский дневник» (1940-1945) был частично опубликован в эмигрантских изданиях - «Парижском вестнике» и «Новом слове». Илья Сургучёв (1881-1956) знает «изнутри» литературу, живопись, театр, музыку, православную и восточную культуры. Он окончил духовную семинарию (Ставрополь) и факультет восточных языков (Санкт-Петербургский университет), пишет прозу, пьесы (ставились в главных театрах Российской Империи), поёт и гастролирует с хором по Европе, разбирается в технике живописи; в его круг общения в разные годы входят В.И. Немирович-Данченко, М. Горький, К. Коровин, В. Ходасевич и мн. др.

Первую запись «Дневника» - от 1 марта 1940 г. - предваряет эпитафия из Шекспира: «Пройдут века,

И сколько раз в театрах эта сцена повторится».

Так задается лейтмотив: историческая перспектива, ретроспектива и спиральное развитие истории. В тексте много раз встречаются одни и те же обстоятельства времени: «тысячу лет назад», «через тысячу лет», «сотни лет тому назад» и т.д. Помимо фиксации событий в оккупированном Париже, Сургучёва занимает история и моральный облик человечества. Тема временного потока раскрывается в том числе путём введения архаизмов, идиом, цитат.

Вследствие широчайшего кругозора интертекстуальность, как «конденсатор культурной памяти» [1], является неотъемлемой частью языковой личности Сургучева. Интертекстемы (авторизованные и скрытые) заимствуются им из следующих источников, в порядке убывания по частоте цитации: паремии (в т.ч. трансформированные); литературные произведения (А. Чехов, У. Шекспир, А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Грибоедов, И.В. Гёте и др.); Библия и богослужебные тексты; сентенции (переведённые или на латыни).

Библия и молитвы цитируются особенно часто, поскольку первоосновы здания человеческого общежития заложены еще в мировых религиях и забывать о вечных ценностях, о связи времён нельзя. Помимо индивидуально-авторских библеизмов, характерны одиночные архаизмы: существительные (лик), глаголы (поучахомся), местоимения (сии), союзы (ибо). В середине 20 века русскоязычные писатели могли сохранить дух христианских традиций Лескова, Достоевского только в эмиграции. Но уже тогда архаизмы выполняют в том числе сатирическую функцию.

Какофонию, в прямом и переносном значении, меняющегося на глазах у героя мира передают оноματοпы («заклокотавший, грянул, бухнул, ахнул, грохнул» и т.д.).

В языке Сургучёва мало позднезаимствованных слов: он использует в основном исконно русский лексикон, что создает особую звукопись, тональность и ритмическую организацию его текстов. Имеющиеся заимствования («бутик, слоган, эмигрант, бомба, шпион, консьержка, inferнальный (маскарад), оккупационный» и др.) сосредоточены в тех частях текста, которые относятся к повествованию, а не рассуждению или описанию.

Окказионализмы образуются в основном по модели сложения основ («умно-проникновенная» (рожа), «дьяволочеловек», «человеческо-мышья» (суетня), «русско-актёрский» (хохот) и т.д.), редко встречается способ префиксации («Душа принадлежит короне французской. И допринадлежались»), суффиксации («собаконь»; «сумасшедшина»).

Диалектизмы и экзотизмы (иногда с лингвострановедческим комментарием: «мга» - «как говорят у нас на Кавказе»; «колэн» - «что-то вроде нашего донского судака») редки и составляют периферию концепта «Дом и чужбина».

Находясь где-то между дореволюционной российской элитой и эмигрантским дном, Сургучёв использует, иногда комментируя, и просторечные слова («это называется драпануть»), и жаргонизмы («Тут я пошёл на «шансы», как говорят биллиардные игроки»), и эвфемизмы («... я перевожу дядин глагол словом «езжайте». На самом же деле дядин глагол градусов на триста был покрепче»). Нередки примеры дисфемизмов (чепуха, идиотская газетная выдумка; заведомые бредни; дурень).

Фразеологизмы, используемые Сургучёвым, делятся на трансформированные («уже смотрит на вас глазами не от Парижа сего»; «не здесь ли зарыта собака французских несчастий») и нетрансформированные («смаывать удочки; даст стрекача; скрепя сердце; вылупив глаза»), причём книжные фразеологизмы («власть предержавшие») более редки.

Фразеологизмы, а также солецизмы неоднократно используются и как средство создания речевого портрета:

«Бисмарк рассмеялся и сказал по-русски:

— Нишево!

Он обожал это слово, кажется, единственное, которое знал по-русски, и в затруднительных случаях жизни часто повторял его» [2].

Метафорами Сургучёв не злоупотребляет («опереточная борьба труда и капитала», «во всех глазах сверкнул алмазный блеск надежды», «в плену верности», «пульс великого города», «пульс вечности» и др.). Используются стёртые метафоры («народная буря»); метонимии («Лица других статуй были обвязаны траурным крепом, который ночью принесла сюда благоговейная французская рука»); синекдохи («говоришь, что это чепуха... но француз остается непоколебим»); антономасия («Редко что взволнует Петю и потянет к перу, чтобы самому что-нибудь сказать, «подать голос». Петя — молчалив. Писатель пописывает, Петя почитывает» - Петя - обобщённое название определённого типажа читателя); общеязыковые перифразы («железный канцлер») и индивидуально-авторские («Что? Поехал к гадалке? Владимир Иванович? Этот европеец? Денди лондонский? Овидиевский презритель богов? Гордость России?» - о Немировиче-Данченко); деэтимологизация («Недаром хозяина звали Сократом: от слова «сокращать»); парадиастола («Прихожу: не очередь, а очередище») и т.д.

Дихотомия «Мгновение - Вечность» цементирует философию Сургучёва, выливаясь в тему исторического повтора, параллелей, памяти. Это выражается и в таких особенностях стиля, как нанизывание однородных конструкций с многосоюзием (так охватывается множество примет действительности, не поддающейся структурированию для включённого в неё зрителя) и повтор на самых разных уровнях, чем подчеркивается волнообразный, «бумеранговый» характер истории, приобретая особое звучание в контексте той трагичной эпохи, в какую жил и творил писатель. Интересны способы создания ритма и особой музыкальности в прозе Сургучева, что требует отдельного рассмотрения. Этими и другими средствами художественной выразительности, при их взаимодействии, в тексте Сургучёва-эмигранта подчёркивается коллизия Вечной Души и её изгнанности из Рая.

Источники и литература

- 1) Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.
- 2) Сургучёв И.Д. Парижский дневник. Ставрополь, 2016.